

НАЧАЛО СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ (к 250-летию Кючук-Кайнарджийского мира)

Кудрявцева Елена Петровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: demetr22@mail.ru

Scopus Author ID: 57353047500; ORCID: 0000-0002-6036-9104

Аннотация. Черноморская торговля имела исключительно важное значение для развития экономики российского государства после присоединения Крыма и Северного Причерноморья. Однако еще до выхода России к Черному морю и строительства первых гаваней донское купечество в торговых операциях использовало греческие торговые суда. Строительство коммерческого и военного флота в портах Николаева и Херсона еще было делом будущего. После того, как Россия заключила первые торговые договоры с Францией, Турцией, Италией и Республикой Семи Соединенных Островов, черноморская торговля получила новые возможности. В средиземноморских странах с воодушевлением встретили новую торговую державу, коммерческие связи с которой сулили большие выгоды. Со всей очевидностью это стало ясно после того, как в черноморские порты стала поступать пшеница из Новороссии, которая хорошо продавалась не только в Средиземноморье, но и за его пределами. Тем не менее главным торговым партнером России оставалась Османская империя, власть которой распространялась на Балканы, Малую Азию и Северную Африку, включая многочисленные греческие острова. Большая роль в торговле принадлежала православной Греции и островам Архипелага. В Россию поступали фрукты, рис, вина, оливковое масло, а взамен южнорусские купцы отправляли юфть, пушной товар, необработанное железо и пшеницу. После того, как в 1830 г. Греция получила независимость, стала развиваться торговля с ней, торговые корабли которой издавна перевозили русские товары, а греческие мореплаватели считались наиболее опытными во всем Средиземноморье. Успех дальнейшего развития черноморской торговли во многом зависел от строительства кораблей, которое вышло на другой уровень после учреждения новых портов в Крыму и в Приазовье. История становления черноморской торговли не обделена вниманием отечественных и зарубежных исследователей. Они опирались на изданные статистические сведения и материалы русско-южных архивов. Автор привлекает новый пласт источников — это сведения, поступавшие от российских консулов в Архипелаге, Турции и Греции, а также материалы Коммерческой канцелярии российской миссии в Константинополе, которая вела собственный учет всех проходивших через Проливы коммерческих судов. Автор вводит в оборот новые, неиспользованные ранее документы из фондов Архива внешней политики Российской империи. Целью предпринятого исследования стало расширение рамок уже сложившихся представлений о начале южнорусской морской торговли и первых шагах одесского и таганрогского купечества.

Ключевые слова: Россия, Османская империя, Греция, Черное море, торговля, торговые связи, Крым, порты, Средиземноморье.

E.P. Kudriavtseva**The Origins of Russia's Mediterranean Trade: The 250th Anniversary of the Küçük Kaynarca Treaty***Elena Kudriavtseva, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).**E-mail: demetr22@mail.ru**Scopus Author ID: 57353047500; ORCID: 0000-0002-6036-9104*

Abstract. The Black Sea trade was a crucial factor in the economic development of the Russian state following the incorporation of Crimea and the Northern Black Sea region into the empire. Nevertheless, even prior to reaching the Black Sea and the establishment of the first harbours, the Don merchants were engaged in commercial activities utilising Greek merchant vessels. The construction of merchant and military fleets in the ports of Nikolaev and Kherson was still a distant prospect. Following the conclusion of the first trade treaties between Russia and France, Turkey, Italy and the Septinsular Republic, the Black Sea trade opened up new prospects. The Mediterranean countries welcomed the new trading power with enthusiasm, anticipating the potential benefits of trade relations with it. This became evident when wheat from Novorossiia, which enjoyed good sales not only across the Mediterranean but also beyond, was shipped to Black Sea ports. Nevertheless, the Ottoman Empire continued to be Russia's main trading partner. Its vast territory stretched across the Balkans, Asia Minor, and North Africa, including numerous islands of the Archipelago. The southern regions of the Ottoman Empire provided Russia with a range of commodities, including fruit, rice, wine, and olive oil. In return, Russian merchants exported Russian leather, furs, iron, and wheat southwards. Following Greece's independence in 1830, trade with this state, which had long been a conduit for Russian goods and whose sailors were renowned for their expertise in the Mediterranean, began to flourish. The advancement of the Black Sea trade was contingent upon the construction of ships, which reached a new standard following the establishment of additional ports in the Crimea and the Azov region. The evolution of the Black Sea trade has been a subject of interest for scholars, both Russian and international, who have utilized published statistical data and materials from the archives of Southern Russia. The author draws on a hitherto untapped body of sources, namely information from Russian consuls in the Archipelago, Turkey, and Greece, as well as materials from the Commercial Office of the Russian mission in Constantinople, which kept meticulous records of all commercial ships passing through the Straits. The author draws upon hitherto unexplored records from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire in order to expand the framework of established perceptions concerning the inception of South Russian maritime trade and the initial endeavours of the merchants of Odessa and Taganrog.

Keywords: Russia, Ottoman Empire, Greece, Black Sea, trade, trade relations, Crimea, ports, Mediterranean.

Изучение развития черноморской торговли имеет определенную традицию в отечественной научной литературе. Труды Н.Л. Рубинштейна, Ф.К. Караджи, С.А. Покровского, В.А. Золотова, А.Л. Шапиро посвящены начальному периоду черноморской торговли России, ее становлению¹. В работах Ф. Вентури, В.Г. Сироткина, Н.И. Яковкиной, И.С. Шарковой исследуются межгосударственные коммерческие связи на заре выхода

¹ Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947; Рубинштейн Н.Л. Внешняя торговля России и русское купечество во второй половине XVIII в. // Исторические записки. Т. 54. М., 1955; Шапиро А.Л. Средиземноморские проблемы внешней политики России в начале XIX в. // Исторические записки. Т. 55. М., 1956; Золотов В.А. Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX века. Ростов-на-Дону, 1963; Караджа Ф.К. Вопросы развития черноморской торговли после Кючук-Кайнарджийского мира: 1774–1787 гг. // Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинев, 1984.

России в Средиземноморский регион². Все эти работы опираются на отечественные и зарубежные архивные материалы. Однако данная тема исследования далеко не исчерпана, если оставлены без внимания такие важные и информативные источники, как донесения российских консулов и торговых агентов на просторах Восточного Средиземноморья и в Архипелаге. Именно этим донесениям уделено основное внимание в представленной статье.

Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. не только предоставил России выход к Черному морю, отдельные гавани в Крыму с возможностью строить морские порты и флот, но и впервые гарантировал свободный проход русских торговых судов через Черноморские проливы. Все это предоставляло совершенно новые перспективы для развития России как причерноморской державы, которая могла строить свою внешнюю политику с учетом выхода в Средиземноморье и на Балканы и развивать экономику южных областей, обеспеченную широкими торговыми возможностями.

Статьи Кючук-Кайнарджийского (1774), Ясского (1791), Бухарестского (1812) и Адрианопольского (1829) мирных договоров включали условия о свободе торговли России на просторах Черного и Средиземного морей. Очевидным стремлением Российского государства стало обеспечение своих экономических и политических приоритетов в регионе Черноморских проливов, включая достижение наиболее выгодных условий товарооборота со странами Средиземноморья, повышения здесь статуса своего политического присутствия, а также укрепления обороны южных границ государства. Достигнуть этих целей можно было только укрепив влияние России на вновь присоединенных территориях Крыма и Новороссии.

Ведущую роль в торговле с Россией через черноморские порты играла Турция. При установлении торговых отношений с территориями Османской империи, населенными христианскими народами, российские власти принимали во внимание конфессиональное единство с православными подданными Турции и пытались оказать им посильную материальную помощь. Прежде всего это касалось жителей Балканского полуострова — греков, сербов, болгар, жителей Дунайских княжеств. Одновременно православные народы, населявшие острова Греческого Архипелага, приморские области Греции и обладавшие большим опытом мореплавания и торговли, раньше всех включались в торговые отношения с новыми южнорусскими территориями, приобретенными Россией во второй половине XVIII в.

В рескрипте императрицы Екатерины II послу России в Великобритании И.М. Симолину от 26 марта 1784 г. говорилось, что «для всех с империей нашей в дружбе пребывающих народов» в Крыму открыты пристани в Херсоне, Феодосии и Севастополе. Объявлялось также, что к этим «пристаням» дозволено плавание «всем народам», которым торговля с Россией предоставляет выгоды. Екатерине II приписывались слова, что «русская торговля может процветать только тогда, когда будет производиться через юг». Выгодность ее была очевидна для средиземноморских стран. В статье VII Ясского договора о вечном мире и дружбе России и Турции, заключенном 29 декабря 1791 г., о взаимной торговле говорилось как о залоге доброго согласия между державами. Новые черноморские порты в Крыму служили не только военными форпостами и крепостями, но и торговыми пунктами, связь с которыми через Черноморские проливы была наиболее удобной и выгодной.

Однако задолго до присоединения Крыма к России — еще в 50–60-е годы XVIII в. — черноморская торговля уже начала развиваться. Ее значительно ограничивали отсутствие портов на побережье Черного моря — торговля осуществлялась с Дона, а также собственного

² Сироткин В.Г. Из истории дипломатических и торговых отношений России с Францией и Англией в первые годы XIX в. // Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI–XX века. М., 1964; *Его же*. Возобновление франко-русского торгового трактата 1787 г. в 1802 г. // Франко-русские экономические связи. М.; Париж, 1970; Яковкина Н.И. Франко-русские торговые отношения в начале XIX века // Вестник ЛГУ. 1965. № 2. Вып. 1; Вентури Ф. Итало-русские отношения с 1750 по 1825 г. // Россия и Италия. М., 1968; Шаркова И.С. Русские и итальянские записки об установлении прямых торговых связей между Россией и Италией в последней трети XVIII в. (по материалам архива Воронцовых) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VII. Л., 1976.

торгового флота. В 1756 г. была организована купцами из Москвы, Калуги и Ярославля «Российская компания для торговли с Константинополем, Венецией и Италией»³. В 1760–1770-е годы в Комиссию о коммерции — законосовещательный орган, вырабатывавший меры по развитию торговли и промышленности, — от купцов поступило предложение об организации новых консульств в Средиземноморье для оказания помощи в торговых операциях.

Иностранные торговые компании с большим воодушевлением встретили российских купцов в своих портах. Французское правительство объявило о готовности освободить русские суда от некоторых платежей и о льготах своим купцам, ведущим торговлю с портами в Черном море: русские суда, приходящие в Марсель, освобождались от 20% обязательной пошлины⁴. В 1782 г. итальянский торговец Дж. Кристиан де Милер составил «Проект торгового договора между его величеством королем Сардинии и ее величеством императрицей всея Руси»⁵. Проект подразумевал развитие двусторонней торговли, которая к этому времени не была интенсивной. Заинтересованность в прямых связях выказали купцы из Венеции, Генуи и Ливорно, потому как до этого времени торговые операции велись через Лондон и Гамбург. Английская торговля в Черном море была крайне незначительна, поскольку в основном шла через Балтику. Средиземноморские страны получали из России пеньку, лен, железо, воск, меха и икру. Поставляли в Россию рис, вино, сухофрукты, сыр и предметы роскоши. 4 августа 1775 г. был издан указ «О правилах привоза и отвоза товаров при черноморских портах», по которому пошлина на турецкие, левантийские и греческие товары снижалась на 25%⁶.

Русско-турецкая торговля занимала первое место в товарообороте черноморских портов. С мая по август 1779 г. из Константинополя в Таганрог, Еникале и Херсон прибыло 35 турецких купеческих судов, а в турецкую столицу отправилось 12 российских кораблей, 3 из которых принадлежали «содержателю торговой в Константинополе конторы Ивану Сидневу». Все суда Сиднева были приобретены в Англии, поскольку российское судостроение было развито слабо⁷. Другими российскими судами владели таганрогские и еникальские купцы. Они везли в Константинополь воловьей кожи, железо, масло, сало и меха — всего в 1780 г. на сумму 73 053 руб.⁸

Для облегчения торговой деятельности российский посланник в Турции А. Стахийев 1 сентября 1779 г. назначил новым консулом в Дарданеллах Т. Тарагона «для беспрепятственного кораблеплавания и торгового обращения российских подданных в областях Ближневосточной Порты», а также «для призрения и покровительства российских торговых людей и морских служителей в случающихся им там нуждах и обстоятельствах»⁹. Стахийев докладывал, что в Турции заинтересованы в торговле с Россией, а местный купец Аренс, имевший связи с торговыми домами в Вене, Триесте, Лондоне и Марселе, выразил желание заказать некоторые товары из черноморских портов¹⁰. Позже Стахийев оповещал императрицу, что турецкие власти заинтересованы в поставках железа из России, находя, что цены на него намного выгоднее тех, которые запрашивала Швеция. Порты намеревались не продлевать турецко-шведский договор на поставку полосного железа, а хотела бы заказать некоторое количество такового из России «на показ»¹¹.

По «Генеральной табели привозным в Константинополь и вывозным Беломорским в Россию товарам с начала 1776 г. по сентябрь 1789 г.» следовало, что на российских судах

³ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 359.

⁴ Караджа Ф.К. Указ. соч. С. 41.

⁵ Вентури Ф. Указ. соч. С. 27.

⁶ Караджа Ф.К. Указ. соч. С. 40.

⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 553. Л. 16.

⁸ Там же. Д. 558. Л. 69–71.

⁹ Там же. Д. 553. Л. 36.

¹⁰ А. Стахийев — Екатерине II. 21 февраля 1780 г. // Там же. Д. 92. Л. 54.

¹¹ А. Стахийев — Екатерине II. 3 апреля 1780 г. // Там же. Д. 554. Л. 63.

в Константинополь было привезено товаров на 171 481 руб. Самыми дорогими оказались пушнина и паюсная икра; пшеница в это время занимала еще одно из последних мест. Знаменательно, что наряду с традиционными видами товаров — салом, канатами, воском — упоминаются 28 ящиков чая и ревень. Они поступали в Россию из Китая и транзитом шли в Константинополь¹². Согласно табели из Средиземноморья в Россию поступали перец, сандал, сахар, кофе, корица, ром, сладкие вина. В связи с малочисленностью российских судов, основная масса товаров отправлялась в Россию на турецких кораблях; общая стоимость товаров, ввезенных в 1779 г. в черноморские порты, достигала 90 644 руб., а привезенных в Константинополь из России — 161 690 руб. Таким образом, уже в конце XVIII в. русско-турецкая торговля имела положительный баланс¹³.

В 1783 г. был подписан очередной торговый договор с Турцией, в 1787 г. — с Королевством обеих Сицилий и Францией, в 1785 г. — с Австрией¹⁴. В 1786 г. все черноморские порты России получили статус порто-франко. За 1781—1787 гг. в Херсоне возникло 5 иностранных торговых компаний и 12 иностранных купеческих домов¹⁵. Особую заинтересованность в установлении торговых связей с черноморскими портами проявили итальянцы и французы. По торговому договору 1787 г. французы получили целый ряд привилегий: французские суда с русским хлебом не облагались пошлиной и на 25% были уменьшены пошлины с ввозимых из Франции вин¹⁶. Все эти привилегии действовали только на Черном море. Одним из первых в конце 1770-х годов в Херсоне обосновался французский купец Антуан де Сен Жозеф, основавший торговый дом, который финансировался правительством. У Антуана были планы сосредоточить в руках Франции всю русскую торговлю хлебом и снабжать им Италию, Сицилию, Сардинию и Испанию¹⁷.

Несмотря на достаточно быстрый рост иностранного присутствия, это были лишь первые шаги черноморской торговли, которая в 1780-х годах не могла конкурировать с балтийской. В 1780 г. обороты черноморской торговли составляли лишь 2-3% от общих российских оборотов¹⁸. В свою очередь, балтийская торговля находилась в руках англичан и голландцев. Заморские купцы могли принимать российское подданство и этим обходить правила русско-турецких трактатов, статьями которых предписывалась возможность хождения по Черному морю судов только под русским или турецким флагом¹⁹. В 1786 г. на Черном море плавало 80 судов под русским флагом и столько же под турецким²⁰.

Хлебная торговля с шестого места, которое она занимала в конце XVIII в., в начале XIX в. вышла на первое²¹. В это время по ходатайству России Порта разрешила торговым судам Англии и Франции проходить через Проливы. Если в 1793—1797 гг., еще до экспедиции Ф.Ф. Ушакова в Средиземноморье, к черноморским портам прибыло 471 торговое судно, то в 1802 г. — 706, а в 1805 г. — 1251. Уже в первые годы XIX в. обороты черноморской торговли значительно возросли. Несмотря на то что за 10 лет — с 1794 по 1804 г. — объем черноморской торговли увеличился в 18 раз, в целом на этот регион приходилось лишь 4—5% всей торговли России. Вывоз товаров превышал ввоз — эта тенденция закрепились за южными портами на много лет. Можно говорить, что именно черноморская торговля обладала наиболее благоприятным торговым балансом.

¹² Генеральная табель привозным в Константинополь и вывозным Беломорским в Россию товарам с начала 1776 г. по сентябрь 1789 г. // Там же. Д. 558. Л. 77.

¹³ Там же. Л. 82—83 об.

¹⁴ Сироткин В.Г. Возобновление франко-русского торгового трактата... С. 196.

¹⁵ Караджа Ф.К. Указ. соч. С. 43.

¹⁶ Сироткин В.Г. Из истории дипломатических и торговых отношений... С. 458.

¹⁷ Яковкина Н.И. Указ. соч. С. 75.

¹⁸ Шапиро А.Л. Указ. соч. С. 358.

¹⁹ Сироткин В.Г. Возобновление франко-русского торгового трактата... С. 196.

²⁰ Караджа Ф.К. Указ. соч. С. 43.

²¹ Покровский С.А. Указ. соч. С. 253.

С конца XVIII в. бурно развивалась Одесса. Ее порт, наряду с Таганрогом, стал наиболее привлекательным для иностранных судов. В 1803 г. из 980 иностранных кораблей 552 шли именно в Одессу. Прибыль одесских купцов достигала 80%²². Таганрог считался главным русским портом в Азовском море, именно здесь была открыта первая таможня. В 1806 г. только Таганрогу и Одессе предоставлялось право хранения на складах товаров внешней торговли²³. С открытием одесского порта потеряли свое былое значение Николаев, Херсон и Очаков. По «Генеральной табели...» за 1801–1802 гг. перевес судов, идущих в Одессу, становится все очевиднее: в марте 1801 г. из Константинополя в Одессу вышло пять российский и пять турецких судов, в то время как в Таганрог, соответственно, два и три; в мае того же года десять «цесарских судов» направились в Одессу, тогда как в Таганрог — лишь два; Республика Семи Соединенных Островов отправила два судна в Одессу и одно в Таганрог²⁴. Расцвет одесской торговли был вызван особыми условиями ее развития. В 1817 г. Одессе был дарован статус порто-франко, что вызвало приток капиталов и оживило загруженность порта. Сюда прибывали торговые корабли из Англии, Франции, Австрии, Голландии, Италии, Греции, Бельгии, Америки и Турции. Привозными товарами, расхажившимися по всей России, были кофе, сыр, оливковое масло, табак, сухие фрукты. Из товаров роскоши — ткани, украшения. В 1830 г. оборот торговли одесского порта составлял: 18 282 522 руб. привоз и 34 936 172 руб. вывоз из России²⁵. Вывозились кукуруза, икра, свечное сало, железо. В том же году в Одессу пришло 542 коммерческих судна, из них: 9 английских судов, 3 греческих, остальные торговые корабли имели русский флаг. Отошли с товарами 587 судов. Увеличилось количество турецких торговых кораблей: если за 1802–1804 гг. в Одесский порт прибыло 732 турецких купеческих судна, то в 1849–1853 гг. — уже 1797.

Активную роль в торговле с Новороссией продолжала играть Франция. Стахийев писал Екатерине II, что французский посол сообщал ему о заинтересованности Франции получать русские товары²⁶. В 1801 г. князь К.-Г. Нассау-Зиген, французский аристократ, ставший адмиралом черноморского гребного флота, предложил французскому правительству проект акционерного общества по экспорту русского хлеба из глубинных районов Приднестровья. Для этого хлеб предполагалось сначала сплавлять на баржах к Черному морю, а потом перегружать на торговые морские суда²⁷. Торговые связи с Габсбургской монархией осуществлялись через порт Триеста.

Планы торговли с Россией поддерживал и Наполеон, который писал Александру I: «Государство Вашего Величества и Франция приобрели бы много выгод, если бы открылась прямая торговля между нашими портами на Средиземном море и Россией через Черное море»²⁸. Не оставали и англичане: в 1803 г. уполномоченный английского правительства У. Итон, побывавший в черноморских портах, представил свой план торговли. Как истый англичанин, он подчеркивал значение Причерноморья в качестве «ворот» во внутреннюю Россию, Сибирь, Персию, Бухару и Польшу. Английские товары посредством торговли с Южной Россией могли бы, по его мнению, свободно пойти на Каспий, Балтику и Белое море²⁹. В 1800 г. российский посол в Константинополе В.С. Томара докладывал Павлу I о желании английских купцов торговать в Черном море и просил у императора разрешения на эту торговлю. Для прохода в Черное море иностранные суда должны были брать у Порты ферман, а у российского посла — паспорт. Это право, писал Томара, дано российскому представителю по Кючук-Кайнарджийскому договору. В.С. Томара предписал статскому

²² Яковкина Н.И. Указ. соч. С. 76.

²³ Золотов В.А. Указ. соч. С. 31.

²⁴ АВПРИ. Ф. ГА II-3. Оп. 34. Д. 1 (1802). Л. 10–11.

²⁵ Таблица операций порта Одесса в 1830 г. // Там же. Д. 2. Л. 2.

²⁶ А. Стахийев — Екатерине II. 21 октября 1880 г. // Там же. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 558. Л. 97.

²⁷ Сироткин В.Г. Из истории дипломатических и торговых отношений... С. 459.

²⁸ Там же. С. 461.

²⁹ Там же. С. 464.

советнику Купеческой канцелярии И. Фродингу не выдавать паспортов иностранным купцам, если они не обратятся в Канцелярию российской миссии³⁰.

Однако свобода торговли была лишь первой ступенью к политическому проникновению западных держав в Россию. На франко-турецких переговорах в Париже в 1802 г. Ш.М. Талейран пытался вместе со статьей о свободном плавании французских торговых судов в Черном море протащить статью о плавании там военных французских кораблей³¹. Это стало известно в России, правительство которой немедленно потребовало от Порты закрыть Черное море для военных флотов нечерноморских держав.

Торговля с Францией осложнялась политическими причинами. После революции целый ряд французских аристократических семейств выразил желание переселиться в Таврическую губернию. «Многие из эмигрантов, здесь находящихся, высказывали желание основать жилище по Черному морю», — писал полномочный посол в Османской империи В.П. Кочубей³². Помощник французского посла при Порте Оттоманской Ю.-Б. Маре просил, наряду со многими, о разрешении получить землю в области Таврической или губернии Екатеринославской. Со своей стороны, российский посол считал возможным оказать эту милость французам «королевской партии», бежавшим от революции.

После французской революции 8 апреля 1793 г. Екатерина II издала манифест, по которому запрещался ввоз в Россию французских товаров. Коммерческие связи возобновились 8 февраля 1801 г., однако запретительные меры сохранялись относительно некоторых предметов роскоши. Запрету подлежал ввоз кружев, лент, обоев, фаянсовой и хрустальной посуды, шелковых тканей. В результате запретительных мер русско-французские торговые связи через южные порты развивались недостаточно интенсивно. В 1802 г. среди всех прибывших в Одессу кораблей было лишь одно французское коммерческое судно, в 1803 г. — два, в 1804 г. — одно. В том же году в Марсель пришло девять русских кораблей из Черноморского региона.

Развивались торговые связи с Италией. Из 815 кораблей, прибывших в черноморские порты в 1803 г., 283 имели пунктом назначения итальянские порты — Мессину, Геную, Ливорно, Неаполь³³. Неаполитанское правительство высказало заинтересованность в товарообмене с Россией и готовность заключить с ней торговый договор.

Сведения о состоянии черноморской торговли поступали в Коммерческую канцелярию российского посольства в Константинополе, где велся учет всех прибывающих из России и идущих туда коммерческих судов — турецких и средиземноморских. В «Ведомости прибывающим и отправленным... судам» за декабрь 1800 г. пунктом назначения торговых кораблей из Средиземноморья значились Одесса, Таганрог и Херсон, причем Одесса в начале XIX в. еще на заняла своего передового места в общей торговле с Левантом³⁴. Так, из Таганрога в 1800 г. в Константинополь прибыло 49 торговых судов, в то время как из Одессы — 18³⁵. Такое же соотношение сохранялось в числе кораблей, отправляющихся из Константинополя в Черное море: из общего числа судов под русским флагом в 95 единиц 62 направлялись в Таганрог и 28 — в Одессу³⁶. Набор привозимых из средиземноморских стран товаров оставался неизменным на протяжении многих лет. Прежде всего это были продукты южных областей: виноградные вина, изюм, финики, орехи греческие, миндаль,

³⁰ В. Томара — Павлу I. 1 (13) апреля 1800 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 913. Л. 47.

³¹ Яковкина Н.И. Указ. соч. С. 78.

³² В. Кочубей — П. Зубову. 1 (12) сентября 1794 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 798. Л. 7 об-8.

³³ Шаркова И.С. Указ. соч. С. 312.

³⁴ Ведомость прибывшим и отправленным отсюда в Черное и Азовское моря российским и прочим купеческим судам в течение сего декабря месяца 1800 г. // АВПРИ. Ф. ГА II-3. Оп. 34. Д. 1 (1802).

³⁵ В. Томара — Павлу I. 1 (13) марта 1801 г. // Там же. Л. 22.

³⁶ Там же. Л. 4.

оливки, гранаты, оливковое (деревянное) масло, лимоны, апельсины, сыр и морские губки³⁷. В Константинополь из России поставлялся пушной товар, железо, икра, масло, сало, воск, юфть, пшеница, парусина, холст, чай, пенька³⁸.

Коммерческая канцелярия аккуратно посылала в Коллегию иностранных дел России не только перечень отправленных из Константинополя в Черное море и прибывших отсюда судов, но и отдельно отчитывалась за товары, прибывшие морем и «сухим путем» через Дунайские княжества. Учету подлежали не только отечественные суда, но и турецкие, «цесарские», коммерческие суда из Архипелага и из Республики Семи Соединенных Островов. Особую важность имели суммы товарооборота, которые также подсчитывались отдельно — как вывозные, так и привозные. Все эти данные поступали в департамент внешней торговли, а затем в министерство финансов.

Русско-турецкая война 1806—1812 гг. не нарушила регулярного морского товарообмена между Турцией и Россией. Комитет министров постановил в 1810 г. «дать полную свободу купеческому плаванию» по Черному морю и прибыванию к его портам греческих и анатолийских судов³⁹. Принятые правила подразумевали пропуск «без задержания и даже без осмотра» всех турецких торговых судов и их беспрепятственное возвращение. Исключению подлежали суда, идущие к турецким берегам, которые следовало осматривать «на предмет военных припасов». Запрещено также было следовать к восточному берегу Черного моря от Анапы до Мингрелии под угрозой ареста судна и его конфискации⁴⁰. Эти правила следовало довести до сведения владельцев торговых судов, идущих к портам Черного моря. Государственный канцлер Н.П. Румянцев предложил расширить контакты с турецкими городами и отправить «парламентеров» в Трапезунд и Синоп, поскольку это были города, где происходили «знатные торги» с другими турецкими городами. С прибывающими туда купцами «высших степеней» можно было бы установить выгодный торг. Для его расширения следовало отправить в Турцию новых консулов и просить турецкое правительство об их приеме⁴¹. Для большего успеха данного предприятия Румянцев предлагал привлечь к переговорам бывшего консула России в Трапезунде Рубо де Понтеве, в это время проживавшего в Крыму⁴². Планировалось послать его в Трапезунд для разведывания «истинного расположения умов» и получения коммерческих сведений из Турции. Военный министр по заданию канцлера направил Рубо де Понтеве письмо с просьбой готовиться к этой миссии⁴³.

Очередное осложнение в русско-турецкой торговле последовало после Наваринского сражения, когда турецко-египетский флот был разбит объединенными силами Англии, Франции и России. Российский представитель черноморского купечества в Константинополе З. Захаров сообщал российскому посланнику А.И. Рибопьеру, что турецкие власти установили твердую цену на привозимый из Одессы и Таганрога хлеб, ультимативно настаивая на исполнении этого условия⁴⁴. Это ограничение явилось очередным этапом ослабления торговли между Россией и Турцией с начала греческой революции 1821 г. В 1825 г. феоdosийский градоначальник докладывал К.В. Нессельроде, что в этом году турецкие корабли не приходили в крымские порты и отпуск товаров «российского производства» не выполнялся вовсе⁴⁵. «Нельзя надеяться на улучшение торговли нашей, — писал министр финансов России Е.Ф. Канкрин, — в портах Черного моря до совершенного прекращения греческих обстоятельств». В российском МИД были обеспокоены сложившимся положением в торговле и запрашивали миссию в Константинополе о предположительных видах

³⁷ Генеральная табель товарам, вывезенным из Константинополя в Россию // Там же. Л. 6.

³⁸ Там же. Л. 5.

³⁹ Выписка из журнала Комитета министров. 18 мая 1810 г. // Там же. Д. 1 (1810). Л. 6.

⁴⁰ Там же. Л. 6 об.

⁴¹ Там же. Л. 8.

⁴² Н.П. Румянцев — маркизу Траверсе. 3 августа 1810 г. // Там же. Л. 10.

⁴³ Де Траверсе — Н.П. Румянцеву. 8 августа 1810 г. // Там же. Л. 11.

⁴⁴ Захар Захаров — А.И. Рибопьеру. 30 декабря 1827 г. // Там же. Д. 3 (1827). Л. 1 об.

⁴⁵ Е.Ф. Канкрин — К.В. Нессельроде. 28 июля 1825 г. // Там же. Д. 4 (1825). Л. 3.

на улучшение политической обстановки в Османской империи. В ответ находившийся при миссии М.Я. Минчаки, исполнявший в отсутствие посланника необходимые обязанности по поддержанию русско-турецких отношений, которые не были разорваны официально, сообщал, что Порты не выдвигала никакого запрета на плавание своих торговых судов по Черному морю. Однако «настоящие причины, препятствующие приходу в Черноморские наши порты турецких кораблей, происходят единственно от затруднительного положения сношений наших с Портою, а паче всего от упадка в Оттоманской империи народного богатства и общественного состояния, произошедшие от внутренних смутений, терзающих с 1822 г. сию страну», — писал Минчаки в Азиатский департамент. Военная активность греков в водах Архипелага, добавлял Минчаки, препятствует турецкому судоходству: «Ныне почти невозможно никакому турецкому судну явиться в Архипелаг, дабы пройти в Средиземное море без опасения попасть в плен грекам»⁴⁶.

Упадок турецкой торговли в Черном море негативно сказывался и на российской. По сведениям, поступавшим к министру финансов от начальника Одесского таможенного округа, общая торговля в порту уменьшалась в связи с поступающими распоряжениями иностранных торговых домов приостановить закупку товаров. К тому же в связи с неспокойной обстановкой на море суммы страхования судов возросли с 3 до 10%⁴⁷. Цены на русскую пшеницу понизились, одесские купцы, занимавшиеся отправкой русского хлеба за границу, становились банкротами. Только один из одесских купцов — купец 2-й гильдии Казати — потерял 170 тыс. руб.

Торговые связи с греческими островами Архипелага и материковой Грецией имеют давнюю историю. Грекам принадлежала ведущая роль в мореплавании в Средиземноморском бассейне, именно на греческих судах велась российская торговля, поскольку строительство южнорусского флота началось только в конце XVIII в. Еще долгое время, даже после спуска на воду торговых судов с верфей в Николаеве и Херсоне, основными шкиперами на этих судах оставались греки в качестве наиболее квалифицированных мореплавателей. На южном берегу Крыма и в Новороссии селились греки, бежавшие от турецкого насилия. Еще в конце XVIII в. Кочубей сообщал Екатерине II о желании греков, искавших спасения в России после гонений в Морее, принять российское подданство. Однако Кочубей предупреждал, что зачастую, получив паспорта, греки возвращались на родину, чтобы под прикрытием нового документа заниматься незаконными делами. «Большую часть, говоря истину, [переселенцы] составляют сволочь, от которой мало пользы ожидать можно», — писал Кочубей⁴⁸. Он предлагал ужесточить правила выдачи паспортов грекам, чтобы «затруднить сколь можно вход в государство людей злонамеренных». Со своей стороны, императрица утвердила правила, по которым греки с острова Занта могли легче переселиться в Таврическую область. Известно, что турки, не считая жителей этого острова венецианцами, чинили препятствия их свободному плаванью через Босфор. «Немалое» число жителей острова было отправлено с разрешения российской императрицы на жительство в Очаков и Севастополь⁴⁹.

Число греков-беженцев резко возросло после начала Греческого восстания в 1821 г. Греки переселялись на юг России массово: в 1829 г. их число достигло 10 тыс.⁵⁰ В мае этого года адмирал М.Н. Кумани привез из Сизополя 600 греков, а позже — еще 400. В «Записке...» генерал-губернатор Новороссийского края и Бессарабии М.С. Воронцов, на территорию подведомственную управлению которого шло интенсивное переселение, предлагал обратиться к генералу И.Н. Инзову — главному попечителю южных колоний — с предложением принятия греков как земледельцев в его колониистское ведомство. Воронцов считал, что следует ограничить число принимаемых, направляя их на поселение в Бессарабию для

⁴⁶ М.Я. Минчаки в Азиатский департамент. 25 сентября 1825 г. // Там же. Л. 5.

⁴⁷ Е.Ф. Канкрин — К.В. Нессельроде. 9 августа 1827 г. Секретно // Там же. Л. 7.

⁴⁸ Там же. Ф. Сношения России с Турцией. 1780 г. Оп. 89/8. Д. 849. Л. 43–47.

⁴⁹ Там же. Д. 798. Л. 5.

⁵⁰ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1018. Л. 31.

занятия земледелием. Со стороны военного министра А.И. Чернышева поступило другое предложение — принимать в российское подданство только греков-мореходов для использования их морского опыта во флоте.

Русско-греческие связи отличались многосторонностью, учитывая конфессиональное единство стран. После завоевания Грецией независимости в 1830 г. торговые отношения Греции с Россией заметно оживились. Практически вся торговля России с греческими островами велась на судах, принадлежавших греческим судовладельцам. В 1833 г. российский консул в Море И.И. Власопуло докладывал в Азиатский департамент МИД, что в греческих водах практически нет русских судов — в том году только два коммерческих корабля прибыли из России в Навплию и Патрас⁵¹. Одесса и Таганрог имели торговые связи с островами Сира, Санторини, Милос, с портами Наварин, Патрас, Пирей. Из российских портов доставлялась пшеница, железо, икра. Коммерческий советник в Патрасе Каллогераки в 1845 г. представил отчет о движении торговли в греческих водах. Согласно этому документу, в 1844 г. в Сиру пришло 60 судов, в Санторини — 8, в Наварин — 18, Пирей — 10, Патрас — 2 коммерческих судна под русским флагом⁵². Интенсивная торговля осуществлялась с портом Салоники. По донесениям консула А. Мустакиди, в 1840 г. в Салоники прибыло 843 коммерческих корабля — греческих, турецких и русских⁵³. Эти торговые обороты оценивались в 12 млн турецких пиастров, причем вывоз вдвое превышал привоз. Уже в 1842 г. русские коммерческие суда заняли третье место среди прибывших торговых судов в Салониках, после греческих и турецких⁵⁴.

Российский посланник в Греции Э.И. Персиани регулярно отправлял в Азиатский департамент отчеты о движении морской торговли в Море. В отчете за 1845 г. подробно перечислялись товары, ввезенные и вывезенные из Греции за этот год: в Россию везли оливковое масло, краски, белое вино — всего на сумму 115 309 руб. серебром, а ввезено в Грецию русского железа, пшеницы и воска было на 453 779 руб. серебром⁵⁵. В 1850 г. между Россией и Грецией был заключен новый торговый договор.

В связи с активной торговлей с островами Архипелага, на прибрежных территориях Черного моря открывались новые греческие консульства. Генеральное консульство по Южной России с 1841 г. возглавлял Мано Эва, с 1847 г. — Паппадато, а с 1850 г. — П. Цициний⁵⁶. Главой консульского поста в Керчи в 1841 г. числился Д. Меллас, в 1847 г. — П. Спанопуло⁵⁷. В 1844 г. консулом в Таганроге стал местный купец 1-й гильдии П. Травло, передавший свою должность в 1850 г. Сакеллариди⁵⁸. В 1841 г. М. Вадалис сменил на посту вице-консула в Измаиле М. Фокианоса⁵⁹.

Часто греческие острова становились перевалочными пунктами, через которые товары из черноморских портов отправлялись дальше в Европу, Турцию и континентальную Грецию. Следует отметить, что порой невозможно с точностью определить количество и стоимость товаров, подлежавших обмену между Россией и Грецией, поскольку зачастую эти грузы отправлялись не прямо к месту назначения, а имели транзитные пункты прибытия, могли перегружаться и доставляться к месту назначения коммерческими судами других стран. На эту особенность русско-греческой торговли обращали внимание чиновники министерства иностранных дел, ответственные за учет торгового оборота.

⁵¹ И.И. Власопуло в Азиатский департамент. 5/27 апреля 1833 г. // АВПРИ. Ф. ГА II-3. Оп. 34. Д. 2 (1834). Л. 10.

⁵² И.И. Власопуло — Л.Г. Сенявину. 18 марта 1845 г. // Там же. Д. 8 (1833—1838). Л. 11—35.

⁵³ А. Мустакиди в Азиатский департамент. 18/30 апреля 1842 г. // Там же. Д. 1 (1841). Л. 9.

⁵⁴ Там же. Л. 17 об-18.

⁵⁵ Там же. Д. 8 (1833—1838). Л. 33.

⁵⁶ Там же. Оп. 32. Д. 1 (1841). Л. 1; Д. 2 (1841). Л. 6; Д. 1 (1850). Л. 7.

⁵⁷ Там же. Д. 4 (1844). Л. 3; Д. 1 (1844). Л. 16.

⁵⁸ Там же. Д. 2 (1841). Л. 6.

⁵⁹ Там же. Д. 1 (1841). Л. 1.

Среди традиционных торговых партнеров России в Средиземноморье, Турции и Греции появлялись новые, торговля с которыми сулила видимые выгоды. Еще в 1827 г. на имя Нессельроде поступил доклад, в нем говорилось о необходимости установить прямые торговые отношения с Египтом. В частности, указывалось на то, что Медицинское управление министерства внутренних дел ежегодно заготавливает значительное количество аптечных материалов, необходимых для обеспечения армии и флота. Обычно эти материалы выписывались из Европы, преимущественно из Лондона и Гамбурга, тогда как большинство необходимых лекарственных средств производились в Африке и Азии.

Воспользовавшись случаем посылки в Египет российского дипломатического чиновника, предполагалось навести справки о возможности установления прямых торговых контактов с регионами Сирии и Египта. При этом прилагался список необходимых лекарственных средств, среди которых упоминались опиум и алоэ⁶⁰. Однако торговля с Сирией развивалась очень медленно. По докладу российского консула в Бейруте К. Базили, из 300 прибывающих ежегодно к берегам Сирии коммерческих судов только 8 имели русский флаг⁶¹. Привоз из России состоял из пшеницы, кукурузы и железа. Обратной связи с Сирией не было, тогда как Англия и Франция, поставляя туда мануфактуру, вывозили шелк, шерсть, морские губки, табак, «перлы и кораллы». Общий торговый баланс Сирии Базили затруднился составить, но предположил, что он складывался не в пользу этой области, поскольку, по мнению консула, она беднеет.

Предложение закупать лекарственные средства в Египте были отправлены генеральному консулу России в Александрии А. Пеццони (1827–1831). Он не замедлил выслать в МИД подробную опись всех интересующих министерство товаров с ценами на них⁶².

Однако после изучения вопроса оказалось, что большинство лекарственных товаров приобретаются в Индии, а не в Египте, и выписываются в Россию из Англии через торговый дом Андерсона и Маберли. Решение вопроса затянулось, и уже в 1833 г. чиновник Константинопольской миссии Рикман получил предписание вновь заняться выяснением цен на лекарства.

После завершения Босфорской экспедиции русского флота в 1833 г., в которой принимал участие полковник Генерального штаба А.О. Дюгамель, он был назначен генеральным консулом в Египет. На данной ему перед отъездом аудиенции Николай I рассказал, чего он ждет от этой миссии: «Нам необходимо иметь в Египте человека, на которого можно вполне положиться. Я желаю, чтобы Россия имела влияние на Египет; по своему географическому положению и могуществу она должна иметь силу на всем Востоке... Если с Египтом могут завязаться выгодные для моих подданных торговые сношения, то я буду весьма этому рад»⁶³. Дюгамель должен был подключиться к вопросу о закупке лекарств. О том, что проблема обсуждалась на самом высоком уровне, свидетельствует тот факт, что в ее решении принял участие действительный статский советник А.С. Норов, сотрудник министерства внутренних дел, ученый, путешественник и библиофил.

В 1834 г. Норов получил годовой отпуск для посещения Святых мест Палестины. Он имел задание министерства встретиться с Дюгамелем, поскольку предполагал посетить Александрию. Вопрос оставался прежним — насколько выгодно закупать лекарства в Египте? Дюгамель еще раньше изложил свое мнение в письме на имя директора Азиатского департамента МИД К.К. Родофиникина. Генеральный консул считал, что лекарственный груз, который должен идти в черноморские порты через порты Италии и Франции, будет невыгоден России в финансовом отношении, поскольку требовалось платить высокие пошлины безо всякой уверенности в хорошей сохранности товаров⁶⁴. В свою очередь, Норов,

⁶⁰ Доклад на имя К.В. Нессельроде. 25 февраля 1827 г. // Там же. Оп. 34. Д. 1 (1827). Л. 1–2.

⁶¹ К. Базили. Записка о внешней торговле Сирии. 20 мая 1841 г. // Там же. Д. 4 (1841). Л. 21.

⁶² Там же. Д. 1 (1827). Л. 4–15.

⁶³ Автобиография А.О. Дюгамеля // Русский архив. 1885. № 4. С. 509–510.

⁶⁴ А.О. Дюгамель — К.К. Родофиникину. 10/22 ноября 1836 г. // АВПРИ. Ф. ГА II-3. Оп. 34. Д. 1 (1827). Л. 31.

прибыв в Каир, встретился с испанским вице-консулом Петраки и директором главного медицинского заведения Египта Клот-беем. В результате проведенных консультаций Норов пришел к выводу, что прямые поставки из Египта в Россию несравненно выгоднее тех, что идут из Лондона. Однако, предупреждал Норов, на этом пути много препятствий: уплата высоких пошлин и фрахта судов, разница денежного курса, расход на укладку и укупку медикаментов, а также учет порчи материалов в дороге — все это служило удорожанию товаров. А если прибавить к этим трудностям возможность вспышек чумы и кораблекрушений, то следовало согласиться с мнением о крайней рискованности подобных предприятий⁶⁵. К тому же в Одессе следовало открыть аптекарский магазин для приема товаров из Египта.

Несмотря на обоснованность данных сомнений, высказанных Норовым, Медицинский совет в Петербурге не разделял его опасений, заключив, что они основаны лишь на предположениях. Было принято постановление получать медицинские товары через торговый дом, открытый Петраки. Однако окончательное решение последовало после консультаций с новороссийским генерал-губернатором М.С. Воронцовым, который высказался за доставку лекарств из Англии, «где все превосходного качества». Возможно, на это мнение оказало влияние воспитание и продолжительное пребывание самого Воронцова в Англии, где долгое время на должности российского посла находился его отец С.Р. Воронцов. Попытка попробовать доставить в Одессу лишь небольшое количество товара было отвергнуто самим Петраки, посчитавшим данные условия невыгодными для себя⁶⁶.

Несмотря на то что вопрос о поставках лекарственных средств не получил своего положительного решения, проблема торговли с Египтом не ушла с повестки дня. В конце 1840-х годов Е.П. Ковалевским, будущим директором Азиатского департамента российского МИД, всегда выступавшим за расширение политических и торговых связей России со странами Востока, был написан «Проект торговли России с Египтом и берегами Черного моря». Согласно этому документу, египетский паша, раздраженный высокими ценами на железо, получаемое из Англии и Австрии, выдвинул предложение доставлять железо из России, поскольку оно оказывалось на 40% дешевле европейского, хотя и уступало ему в качестве. Это предложение Мухаммед Али передал российскому консулу в Египте А.М. фон Фоку (1845—1853). В свою очередь, консул докладывал российскому посланнику в Константинополе В.П. Титову о выгодности установления прямых контактов между Египтом и главными портами Черного моря. Для этого следовало бы прислать в Александрию партию русских товаров: чугунную посуду, самовары, мангалы, подсвечники, кофейники и изделия из железа и меди, которые можно было бы сбывать через торговый дом Г. Анастаси⁶⁷. Пробную партию товаров предполагалось послать через почтовые пароходы, курсирующие между Одессой и Константинополем в случае их захода в Смирну⁶⁸. Из донесения фон Фока следовало, что Анастаси в 1840 г. стоял во главе российского генерального консульства, в связи с чем «питает самые благонамеренные чувства к России» и может взять на себя все хлопоты по приему и сбыту товаров. Из Египта можно было выгодно закупать хлопчатую бумагу, которая нашла бы сбыт в коммерческих домах Одессы и Таганрога. Выгодно получать из Египта кофе, слоновую кость, красильные вещества, шелк и муслин, а в ответ поставлять из России кожи и юфть, а также канат, поскольку местный делался из пальмовых листьев и имел плохое качество.

Известно, что Мухаммед Али выражал заинтересованность в торговле с Россией. В 1847 г. по инициативе паши в Россию были посланы инженеры для обучения горному делу на Урале. Мухаммед Али принял решение послать в Одессу своего коммерсанта для учреждения торгового дома. Вплоть до начала русско-турецкой войны 1828—1829 гг. одесский купец Н. Корси держал в городе торговый дом египетского паши, при котором проживал

⁶⁵ Д.Н. Блудов — К.В. Нессельроде. 3 октября 1836 г. // Там же. Л. 33.

⁶⁶ Там же. Л. 34—38.

⁶⁷ Фон Фок — В.П. Титову. 27 марта 1849 г. // Там же. Д. 1 (1848—1853). Л. 8.

⁶⁸ Проект торговли России с Египтом и берегами Черного моря // Там же. Л. 18.

уполномоченный паши Ю. Богос. Коммерческие дела торгового дома пострадали после начала военных действий, и в середине 1828 г. стало известно, что он задолжал по векселям крупную сумму в 143 155 руб.⁶⁹ Согласно сведениям, поступавшим в Комиссию по убыткам русской торговли, некоторые российские купцы выражали заинтересованность в торговле с Египтом и посылали свои суда в Александрию. Не всегда эта инициатива заканчивалась благополучно, поскольку известно, что среди пострадавших от грабежей на море числился ростовский купец М. Чернущенко, имевший торговые связи с Египтом⁷⁰.

Проект Ковалевского был рассмотрен и принят на высочайшем уровне. В черноморских и азовских портах предполагалось организовать торговые компании и утвердить их устав. Эта миссия возлагалась на бессарабского генерал-губернатора, однако запланированная деятельность была внезапно остановлена. Выяснилось, что среди российского купечества не оказалось достаточного количества желающих для организации компании. Несмотря на то что отдельные купцы торговали с Египтом, эти связи были непостоянны и не представляли существенных выгод⁷¹. Одесское отделение Коммерческого совета постановило, что товары из Египта обойдутся дороже аналогичных из Англии и Франции. Московское купечество также не поддержало идею организации торговой компании, поскольку Египет представлялся слишком далекой землей с неясными перспективами выгоды, спрос на товары был признан «ненадежным». Черноморское купечество, по мнению московского, должно было бы лучше ориентироваться в связях с Египтом и перспективах торговли.

* * *

Таким образом, оценивая развитие черноморской торговли в конце XVIII — начале XIX в., следует признать ее стремительный рост после присоединения Крыма к России и организации там портов. Опираясь на данные, приведенные в обширном — более 45 листов — отчете главы российской миссии в Константинополе за 1800—1801 гг., можно составить картину общего состояния торгового судоходства в Черном море в этот период. Сведения о количестве судов, шедших к черноморскими портам и обратно, о пунктах назначения, странах отправления, о характере груза и его цене давали основания произвести точный расчет общего баланса товарообмена. Эти расчеты позволяют утверждать, что даже в первые годы XIX в., когда русская торговля из черноморских портов только начинала свое развитие, торговый баланс, хотя и незначительно, но неизменно складывался в пользу России. При этом надо иметь в виду, что торговля пшеницей, выращиваемой на землях Новороссии, еще не набрала оборотов в начале века и не составляла наибольшей доли среди вывозимых из Черноморского региона товаров.

Можно говорить, что черноморская торговля к середине XIX в. вышла на новые рубежи — она имела положительный торговый баланс и расширяла свою географию, включая все новые Средиземноморские страны. Торговый флот России еще продолжительное время требовал пополнения, поскольку ощущался явный недостаток российских коммерческих судов, вследствие чего черноморская торговля на протяжении всего исследуемого периода велась в основном на греческих и турецких судах. Бурное развитие земледелия в Новороссии вело к росту числа торговых домов в Одессе и Таганроге и, как следствие, к развитию торговых связей, прежде всего с Константинополем. Несмотря на то что многочисленные русско-турецкие войны тормозили развитие коммерции, однако всякий раз после заключения мирных договоров она быстро восстанавливалась, поскольку русская пшеница уже заняла к тому времени ведущее место в мировой торговле — ее вывозили далеко за пределы Средиземноморского бассейна.

⁶⁹ Комиссия по убыткам русской торговли М.С. Воронцову. 18 июля 1828 г. // Там же. Ф. ГА-Б1. Оп. 1881/5. Д. 47. Л. 103.

⁷⁰ Комиссия по убыткам русской торговли М.С. Воронцову. 19 сентября 1828 г. // Там же. Л. 292.

⁷¹ Управляющий министерством финансов К.В. Нессельроде. 2 апреля 1853 г. // Там же. Ф. ГА II-3. Оп. 34. Д. 1. Л. 32 об.

Библиография

- Автобиография А.О. Дюгамеля // Русский архив. 1885. № 4. С. 489–526.
- Вентури Ф. Итало-русские отношения с 1750 по 1825 г. // Россия и Италия. М., 1968. С. 25–50.
- Золотов В.А. Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX века. Ростов-на-Дону, 1963.
- Караджа Ф.К. Вопросы развития черноморской торговли после Кючук-Кайнарджийского мира: 1774–1787 гг. // Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинев, 1984. С. 39–45.
- Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947.
- Рубинштейн Н.Л. Внешняя торговля России и русское купечество во второй половине XVIII в. // Исторические записки. М., 1955. С. 343–361.
- Сироткин В.Г. Возобновление франко-русского торгового трактата 1787 г. в 1802 г. // Франко-русские экономические связи. М.; Париж, 1970. С. 189–233.
- Сироткин В.Г. Из истории дипломатических и торговых отношений России с Францией и Англией в первые годы XIX в. // Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI–XX века. М., 1964. С. 451–465.
- Шапиرو А.Л. Средиземноморские проблемы внешней политики России в начале XIX в. // Исторические записки. Т. 55. М., 1956. С. 253–288.
- Шаркова И.С. Русские и итальянские записки об установлении прямых торговых связей между Россией и Италией в последней трети XVIII в. (по материалам архива Воронцовых) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VII. Л., 1976. С. 302–319.
- Яковкина Н.И. Франко-русские торговые отношения в начале XIX века // Вестник ЛГУ. 1965. № 2. Вып. 1. С. 70–85.

References

- Autobiografija A.O. Dugamela [Autobiography of A.O. Dugamel] // Ruskij arhiv [Russian archive]. 1885. № 4. S. 489–526. (In Russ.)
- Karadza F.K. Voprosi razvitijachernomorskoj trgovli posle Kuchuk-Kajnardzijskogo mira [The questions of the development of Black sea trade after the peace of Kucuk-Kaynardzi] (1774–1787) // Rosija i jugovostochnaja Evropa [Russia and the South-Eastern Europe]. Kishinev, 1984. S. 39–45. (In Russ.)
- Pokrovsky S.A. Vneshnaja trgovla i vneshnetorgovaja politika Rossii [Foreign trade and foreign trade policy of Russia]. Moskva, 1947. (In Russ.)
- Rubinshteyn N.L. Vneshnaja trgovla Rossii i russkoje kupechestvo vo vtoroj polovini XVIII veka [Foreign trade of Russia and Russian merchants in the second half of 18th] // Istoricheskije zapiski [Historical notes]. Moskva, 1955. S. 343–361. (In Russ.)
- Shapiro A.L. Sredizemnomorskije problem vneshnej politiki Rossii v nachale XIX veka [The problems of Russian foreign policy in Mediterranean in the beginning of 19th] // Istoricheskije zapiski [Historical notes]. Vol. 55. Moskva, 1956. S. 253–288. (In Russ.)
- Sharkova I.S. Russkije i italijanskije zapiski ob ustanoveniiipramih trgovih svazej mezdu Rossijei i Italiej v poslednej treti XVIII veka (po materialam arhiva Voronzovih) [Russian and Italian notes about trade relations between Russia and Italy in the last third of 18 (under the materials of Voronzov's archive)] // Vspomogatelnije istoricheskije disziplini [Supportive historical disciplines]. Vip. VII. Sankt-Peterburg, 1976. S. 302–319. (In Russ.)
- Sirotkin V.G. Iz Istoriji trgovih i diplomaticheskikh otnoshenij Rossii s Franziej i Anglij v pervie godi XIX veka [History of trade and diplomatic relations of Russia with France and England in the first years of 19th] // Mezdunarodnije otnoshenija. Politika. Diplomacija. XVI–XIX [International relations. Policy. Diplomacy. 16th–19th]. Moskva, 1964. S. 451–465. (In Russ.)
- Sirotkin V.G. Vozobnovlenije franko-russkogo trgovogo traktata 1778 v 1802 [Resuming of the trade treaties of 1778 in 1802 between Russia and France] // Franko-russkije ekonomicheskije svazi [Economic communications between Russia and France]. Moskva; Paris, 1970. S. 189–233. (In Russ.)
- Ventury F. Italo-russkije otnoshenija s 1750 po 1825 [Italian-Russian relations from 1750 to 1825] // Rossija i Italija [Russia and Italy]. Moskva, 1968. S. 25–50. (In Russ.)
- Yakovkina N.I. Franko-russkije trgovije otnoshenija v nachale XIX veka [Trade relations between Russia and France in the beginning of 19th] // Vestnik LGU [Bulletin of the University of Leningrad]. 1965. № 2. Vip. 1. S. 70–85. (In Russ.)
- Zolotov V.A. Vneshnaja trgovla juznoj Rossii v pervoj polovine XIX veka [Foreign trade of South Russia in the first half of 19th]. Rostov-na-Donu, 1963. (In Russ.)